

НОЧНОЙ ПРОТОКОЛ

АНДРЕЙ МЕРЗЛИКИН

18+

Андрей Мерзликин

Ночной протокол

<https://litres.ru/74534844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Веспер-Сити, 2226 год. Над сверкающими башнями корпораций восходит искусственное солнце, а в нижних кварталах льёт чёрный дождь и людей продают по частям.

Каждая новая жертва исчезает ровно на семь суток. На восьмое утро полиция находит герметичный контейнер с биомассой — без костей, зубов и имплантов. Единственная улика — фиолетовая помеха на записях камер и таймер, отсчитывающий сто шестьдесят восемь часов.

Старший инспектор Марк Северин начинает расследование после сообщения от давно погибшего напарника. След приводит его и инженера Анну Северину в глубины «Мёртвой сети», где человеческая боль стала ценным товаром, а страх — материалом для чудовищного эксперимента.

Там их уже ждёт Скульптор.

Он не просто убивает. Он изучает надежду, чтобы понять, в какой момент её лучше отнять.

Когда на экране загорается 167:59:59, обратный отсчёт начинается. И остановить Ночной протокол невозможно.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Мерзликин

Ночной протокол

Пролог

Нулевая операция

За семь лет до убийства Элиаса Вейна.

На минус девяностом этаже башни «Арк-Синтеза» не существовало времени.

Здесь не было окон, часов и смены освещения. Белые стены испускали ровный стерильный свет, под которым человеческая кожа казалась уже мёртвой. Воздух пах озоном, антисептиком и едкими испарениями охлаждающей жидкости. Скрытые в потолке системы вентиляции работали так тихо, что можно было услышать, как по трубкам капает кровь.

Кап.

Кап.

Кап.

В центре операционного зала лежал человек.

Запястья, локти, колени и шея были зафиксированы магнитными скобами. Под истончённой кожей на висках просвечивали нити диагностических электродов. Над столом висела корона хирургических манипуляторов: десятки сложенных конечностей с лезвиями, пилами, инъекторами и костными захватами.

В документах человека называли Объектом Н-17.

Настоящее имя удалили вместе с гражданским профилем и тюремным делом. Согласно официальному отчёту, три месяца назад он поднял бунт, ворвался в кабинет начальника тюрьмы и убил его, после чего был застрелен охраной. Записи камер подтверждали смерть. Тело опознали по биометрии и отправили на кремацию.

Всё было подделано.

Вместо боевых патронов охрана использовала нейропаралитические заряды. Тело заменили заранее подготовленным трупом, биометрические данные переписали, а записи камер обработал корпоративный вирус. У заключённого не было

ни семьи, ни родственников — никто не потребовал выдать останки и не стал задавать вопросы.

Самого Н-17 вывезли из тюрьмы в грузовом контейнере и доставили на минус девяностый этаж живым.

Перед началом операции ему пообещали свободу.

Он поверил.

На стене напротив операционного стола мерцал рекламный экран. Даже здесь, почти в километре под городом, корпоративная система продолжала показывать рекламу.

«АРК-СИНТЕЗ. НОВОЕ ТЕЛО — НОВАЯ ЖИЗНЬ».

Улыбающаяся женщина снимала с лица старую кожу, словно прозрачную маску. Под ней сияло молодое лицо без морщин и пор. Следующий кадр показывал семью над облаками: отец, мать, двое детей и золотой шпиль корпоративной башни на заднем плане.

Семьи у Н-17 не было. Он не умел привязываться к людям — только изучать их слабости. Любая близость рано или поздно превращалась для него в опыт: сколько боли выдержит человек, прежде чем любовь сменится страхом.

— Начинаем регистрацию исходного сознания, — произнесла хирург Лея Морро.

Её голос предательски дрогнул.

Лея коснулась импланта на горле и включила эмоциональный фильтр. Следующие слова прозвучали ровно и безжизненно, будто их произнесла операционная система.

Медицинские линзы вспыхнули холодным светом. По поверхности её зрачков побежали показатели Н-17: пульс, давление, уровень кортизола, проводимость нервных волокон. Заключённый следил за ней с неподвижностью хищника, уже выбравшего место для укуса.

Лея боялась его. Знала, сколько людей он убил и что сделал с начальником тюрьмы во время бунта.

Но ещё сильнее она боялась человека, стоявшего за прозрачной перегородкой.

Н-17 мог причинить ей боль.

Адриан Восс мог стереть её имя, забрать тело и положить на соседний операционный стол.

— Сердечная активность стабильна, — продолжила Лея. — Коровая структура функциональна на восемьдесят три процента. Центры эмпатии почти неактивны. Агрессивный контур показывает аномальную пластичность.

— Я вас слышу, — сказал Н-17.

Лея замолчала.

Он не мог повернуть голову, но продолжал следить за ней взглядом.

— Мне обещали снять приговор.

— Его сняли, — ответил голос из-за стекла. — Приговора больше нет. Как и осуждённого.

За прозрачной перегородкой стоял Адриан Восс, основатель и владелец «Арк-Синтеза».

Ему было сто пятьдесят шесть лет.

Молодое лицо выращивали заново каждые пять лет. Печень меняли одиннадцать раз, сердце — четырежды, лёгкие — шесть. Кровь еженедельно прогоняли через нанофиль-

тры, а повреждённые участки мозга постепенно замещали синтетической тканью.

Только глаза оставались прежними.

Бледные, почти бесцветные.

В них уже давно не было ничего человеческого.

— Вы сказали, что я выйду отсюда, — напомнил Н-17.

— Выйдешь.

— Свободным?

Восс приблизился к стеклу.

— Свобода — устаревшее юридическое понятие. Ты получишь нечто более ценное: предназначение.

Под операционным столом стояли герметичные контейнеры. На каждом светилась маркировка подпольной биржи:

ПЕЧЕНЬ. МУЖЧИНА. 24 ГОДА. ДОЛГОВОЙ КОНТРАКТ.

ЛЁГКИЕ. ЖЕНЩИНА. 31 ГОД. НЕЛЕГАЛЬНЫЙ ДО-
НОР.

КОЖНЫЙ МАТРИКС. ИСТОЧНИК НЕ УКАЗАН.

НЕЙРОННАЯ ТКАНЬ. СЕРИЯ ОТКЛОНЕНА ГОРОД-
СКИМ БАНКОМ.

В Веспер-Сити человек принадлежал себе лишь до пер-
вой просроченной выплаты. Затем банк получал право на его
импланты, корпорация — на органы, а подпольные брокеры
— на всё остальное.

Нищие продавали годы жизни.

Рабочие закладывали почки.

Матери оформляли кредиты под ещё не родившихся де-
тей.

Богатые покупали молодость по частям.

Восс называл это естественным обменом ресурсами.

Лея взглянула на показатели Н-17.

— Он начал понимать.

— Отлично, — сказал Восс. — Фиксируйте реакцию.

В основании операционного стола открылись тонкие иглы и вошли под ногти заключённого.

Н-17 дёрнулся в фиксаторах.

На экране вспыхнула диаграмма.

— Болевой отклик высокий, — доложил техник Дэниел Кросс. — Страх пока контролируемый.

— Отключите седативный контур, — приказал Восс.

Лея повернулась к нему.

— Без анестезии он может потерять рассудок до завершения интеграции.

— Тогда мы узнаем, на каком этапе рассудок ломается.

— Нейрошок исказит данные.

— Под анестезией мы получим только реакцию нервной

ткани. Мне нужен сознательный страх. Объект должен понимать, что с ним происходит, и помнить каждую секунду.

Н-17 перестал бороться с фиксаторами.

— Что вы собираетесь со мной сделать?

Никто не ответил.

Хирургические манипуляторы развернулись над ним.

Первое лезвие коснулось груди.

На стене продолжала улыбаться женщина из рекламы.

«АРК-СИНТЕЗ. БУДУЩЕЕ НАЧИНАЕТСЯ ВНУТРИ
ВАС».

Кожа разошлась от горла до живота.

Н-17 закричал.

Показатели на мониторах сорвались вверх. Зрение потемнело, сердце сбилось с ритма — организм попытался спасти его единственным доступным способом: отключить сознание.

Под основанием черепа щёлкнул автоматический иньектор.

В сонную артерию вошёл препарат «Люцид-9» — запрещённый нейростимулятор, разработанный для продлённых военных допросов. Он блокировал защитное торможение мозга, подавлял обморок и возвращал сознание после каждого болевого шока. Сердце поддерживал внешний насос, дыхание — аппаратная диафрагма.

Темнота уже сомкнулась вокруг Н-17, но препарат вырвал его обратно.

Свет операционных ламп вспыхнул с мучительной яркостью. Боль вернулась сразу — без ослабления, без расстояния, до последнего нервного импульса.

— Попытка потери сознания предотвращена, — сообщила операционная система.

Н-17 понял самое страшное: ему не позволят даже спрятаться внутри собственного мозга.

Звукоизоляционные панели сомкнулись вокруг операционного сектора. Крик превратился в низкую вибрацию, от

которой по стеклу перед Воссом пошла едва заметная рябь.

Операция продолжалась тридцать девять часов.

Первые шесть часов Н-17 ещё пытался требовать адвоката.

На девятом проклинал Восса, врачей и весь город.

После двенадцатого начал молиться, хотя в тюремной анкете назвал себя атеистом.

На семнадцатом перестал складывать слова в предложения.

На двадцать третьем часу хирургические пилы удалили позвоночник.

Тело не умерло.

Сердце поддерживал внешний насос. Кровь проходила через охлаждающий контур, а нервные импульсы перехватывала операционная система. Н-17 видел собственное раскрытое тело через камеры манипуляторов. Изображение передавалось непосредственно в зрительную кору.

Восс хотел, чтобы он понимал, что с ним делают.

Каждый извлечённый фрагмент сопровождался пояснением:

ПОЗВОНОК L4: УТИЛИЗИРОВАН.

ЛЕВАЯ БЕДРЕННАЯ КОСТЬ: УТИЛИЗИРОВАНА.

ПРАВАЯ ЛОПАТКА: ЗАМЕНЕНА.

БИОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ: НЕ СООТВЕТСТВУЕТ СТАНДАРТАМ ПЕРЕПРОДАЖИ.

Кости заменили тёмным сплавом с памятью формы. Он выдерживал нагрузки, возвращался в исходное состояние после деформации, срастался после переломов и мог изменять геометрию скелета в зависимости от установленного модуля.

Вдоль искусственного позвоночника проложили боевую шину. Она должна была управлять дополнительными конечностями, хирургическими инструментами, инъекторами, углеродными жгутами и системой дистанционного вторжения в нейроимпланты.

В плечевой пояс установили четыре гнезда.

Пустые полости ждали оружия.

— Зачем столько креплений? — спросила Лея.

Она не спала больше суток. Под глазами проступили серые круги, пальцы дрожали внутри тактильных перчаток. Эмоциональный фильтр по-прежнему выравнивал голос, но не мог скрыть страха в её движениях.

— Человеческие руки ограничены анатомией, — ответил Восс. — Нашему оператору потребуется больше возможностей.

— Оператору?

— Вам не нравится слово «палач»?

Лея промолчала.

На двадцать седьмом часу с Н-17 начали снимать кожу.

Сначала с груди.

Потом с рук.

Потом с лица.

Роботизированные зажимы растягивали пласты ткани над прозрачными лотками, пока система оценивала состояние клеток. Непригодные участки отправляли на переработку. Остальные погружали в питательный раствор, чтобы использовать как основу для выращивания новой синтетико-биологической оболочки.

Подкожная система состояла из гибких бронепластин, сенсорных нитей и капсул с ремонтными нанитами. По прозрачным трубкам потекла искусственная кровь — чёрная углеродная взвесь с переносчиками кислорода и микроскопическими механизмами восстановления.

Под светом операционных ламп она блестела, как машинное масло.

Дэниел Кросс отвёл взгляд.

— Впервые видите настоящую модернизацию? — спросил Восс.

Техник кивнул.

— Привыкайте. Через десять лет подобные процедуры будут проводить в обычных клиниках.

— Обычным людям?

Восс улыбнулся.

— Люди не бывают обычными. Они бывают платёжеспособными и бесполезными.

В операционном секторе Н-17 вдруг открыл рот.

Голосовых связок у него уже не было, но динамик нейроинтерфейса ожил:

— Дэниел.

Техник вздрогнул.

— Откуда он знает моё имя?

Лея проверила каналы связи.

— Его нейроинтерфейс подключён только к внутреннему хирургическому контуру. Доступа к кадровой сети нет.

— Дэниел Кросс, — повторил Н-17.

Его новый голос состоял из человеческого шёпота и цифрового треска.

— Тридцать два года. Нижний сектор. Просрочка по медицинскому кредиту — сто восемьдесят шесть дней. В залог внесены сердце и зрительная кора.

На лице техника исчезла кровь.

— Отключите его от сети.

— Он не подключён к внешней сети, — сказала Лея.

На стене погасла реклама.

Через секунду экран включился снова.

Теперь на нём стоял Дэниел. Обнажённый, с раскрытой грудной клеткой. Вместо сердца внутри бился красный индикатор задолженности.

«ВАШЕ ТЕЛО МОЖЕТ ПОГАСИТЬ ДОЛГ».

Дэниел отшатнулся.

Восс больше не улыбался.

— Откуда взялось изображение?

— Я его сделал, — ответил Н-17.

— Каким образом?

Уцелевший глаз повернулся к прозрачной перегородке.

— Я подумал о нём.

Впервые за тридцать часов Восс приблизился к панели аварийного отключения.

Лея заметила это.

И поняла: такого результата он не ожидал.

На тридцать первом часу началась реконструкция мозга.

Повреждённые и считавшиеся ненужными участки извлекали тонкими слоями. На их место вводили синтетические нейронные нити. Они разрастались между живыми клетками, повторяли их структуру, копировали воспоминания и

создавали новые соединения.

— Остановите извлечение, — приказал Восс.

Манипуляторы замерли над открытым черепом.

— Почему? — спросила Лея.

— Сохраните островки лимбической системы.

— Центры удовольствия и страха?

— Да.

— Они осложнят управление.

— Машина выполнит приказ. Но она не станет наслаждаться ожиданием. Искусственный интеллект вычислит болевой предел, найдёт оптимальную последовательность и закончит процедуру. Этот человек способен на большее. Он понимает, как заставить жертву надеяться.

— Вы намеренно сохраняете в нём садизм.

— Я превращаю человеческий недостаток в рабочий инструмент.

В основание черепа установили чёрную пластину размером с монету. Она вошла между искусственными позвонками и сомкнулась вокруг боевой шины.

Восс положил ладонь на панель управления.

— Контрольное слово: «Эреб».

На экране появилась красная строка:

АВАРИЙНОЕ ПОДАВЛЕНИЕ АКТИВНО.

— Первое произнесение отключит двигательные центры,
— пояснила Лея. — Второе подавит сознание. Третье запустит необратимое разрушение синтетической коры.

— Испытайте.

— Сейчас?

— Именно сейчас.

Восс включил микрофон.

— Эреб.

Тело на столе выгнулось.

Затем двигательные контуры отключились. Мышцы обмякли, дополнительные модули замерли. Пульс сохранился, но нейронная активность упала почти до нуля.

— Видите? — сказал Восс. — Он принадлежит нам.

Н-17 лежал неподвижно.

Однако на погасшем рекламном экране медленно появилась белая надпись:

ПОКА.

Восс смотрел на неё несколько секунд.

— Сотрите запись об этом эпизоде.

— Запись уже повреждена, — сказала Лея. — Последние три минуты отсутствуют.

— Тогда никаких трёх минут не было.

На тридцать шестом часу Н-17 вернули лицо.

Выращенная на основе его клеток оболочка срасталась неровно. Левая половина сохранила человеческие черты: высокий лоб, впалую щёку, бесцветные губы. Справа под полупрозрачной кожей проступали крепления челюсти и тёмные нити искусственных мышц.

Правый глаз заменили многочастотным сенсором.

Левый оставили человеческим.

— Почему только один? — спросила Лея.

— Чтобы жертва видела машину, — ответил Восс, — но до последнего пыталась говорить с человеком.

К завершению операции Н-17 уже не кричал.

Он наблюдал.

Следил за движениями инструментов.

Запоминал лица.

Когда манипуляторы зашили последний разрез, чёрная кровь ещё несколько секунд проступала между краями син-

тетической кожи. Затем ремонтные наниты сомкнули рану.

На экране появилась надпись:

ИНТЕГРАЦИЯ ЗАВЕРШЕНА.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОЛЯ: 34%.

МЕХАНИЧЕСКАЯ ДОЛЯ: 51%.

НЕЙРОСЕТЕВАЯ ДОЛЯ: 15%.

СТАТУС ОБЪЕКТА: ЖИЗНЕСПОСОБЕН.

Операционный стол пришёл в движение. Магнитные фиксаторы втянулись в основание, а хирургическая рама переместила тело Н-17 в вертикальную активационную капсулу.

Прозрачные створки сомкнулись.

Капсула наполнилась регенерационным раствором. Электрические разряды побежали вдоль нового позвоночника. Тело дёрнулось, выгнулось и замерло.

Потом Н-17 открыл глаза.

Из плечевого пояса выдвинулись четыре суставчатые конструкции. Они раскрылись с влажным металлическим щелчком и ударили в стенки капсулы. На бронированном стекле остались глубокие борозды.

Лея отступила.

— Фиксаторы держат?

Дэниел не ответил.

Он смотрел на диагностический экран, где вместо медицинских показателей появлялось одно и то же слово:

ДЭНИЕЛ.

ДЭНИЕЛ.

ДЭНИЕЛ.

— Где я? — спросило существо.

Голос доносился одновременно из встроенного динамика, потолочных систем и личных аудиоимплантов сотрудников.

— В месте, где тебя создали заново, — ответил Восс.

— Вы обещали свободу.

— Мы избавили тебя от оков тела и морали, — ответил Восс. — Каждую ночь тебе будет позволено выходить в город.

Перед капсулой развернулся голографический интерфейс. Над телом существа возникла трёхмерная карта Веспер-Сити.

Бесконечные башни пронзали кислотные облака. Между ними двигались транспортные платформы, рекламные киты и полицейские дроны. На верхних уровнях сияли сады, искусственные моря и частные рассветы. Внизу, под дождём из химических отходов, теснились рабочие кварталы.

Миллионы красных точек обозначали жителей города.

— Кто из них станет объектом? — спросил Н-17.

— Выберешь сам.

Лея резко повернулась к Восу.

— Случайный выбор нарушит исследовательский прото-

КОЛ.

— Напротив. Подготовленная жертва знает, что участвует в эксперименте. Её страх предсказуем. Мне нужен настоящий человек, вырванный из собственной жизни.

— Похищение невозможно скрыть от городской системы.

— Этим займётся юридический отдел. Как только он выберет объект, мы выкупим его долги, медицинские права и посмертный контракт. Если долгов не окажется, создадим их задним числом.

Н-17 смотрел на огни города.

— Ограничения?

— Объект должен оставаться живым сто шестьдесят восемь часов. Всё остальное решаешь ты.

— Значит, я могу выбрать любого?

Восс едва заметно улыбнулся.

— Любого.

Красные точки отражались в человеческом глазу существа.

Тысячи улиц.

Миллионы людей.

Столько различных способов причинить боль.

— Тогда это и есть свобода, — произнёс Н-17.

На экране появились правила программы:

НОЧНОЙ ПРОТОКОЛ.

ВЫБОР ОБЪЕКТА.

ИЗОЛЯЦИЯ.

СЕМИСУТОЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

СБОР НЕЙРОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ.

ПОЛНАЯ БИОЛОГИЧЕСКАЯ УТИЛИЗАЦИЯ.

Боль, страх и психологический распад должны были пере-

даваться на закрытые серверы «Арк-Синтеза». На основании этих данных корпорация собиралась создавать боевые импланты, системы допроса, нейронные вирусы и персональные симуляции ада.

У каждой пытки был патент.

У каждого крика — рыночная стоимость.

— Почему семь суток? — спросило существо.

— За меньшее время человек не успевает понять, что надежды нет.

Н-17 посмотрел на свои пальцы.

Кожа на кончиках разошлась. Из-под ногтей выдвинулись хирургические иглы, тонкие лезвия и сенсорные нити. Одна из нитей коснулась стекла.

Защитное поле вспыхнуло синим.

Существо улыбнулось.

Лея увидела в этой улыбке остаток человека.

И испугалась его сильнее, чем машины.

— У проекта есть имя? — спросил Н-17.

— Только номер, — ответил Восс.

— Номер принадлежал заключённому.

— А кем считаешь себя ты?

Суставчатые конечности за его спиной медленно развернулись. На конце одной раскрылись хирургические ножницы. Другая заканчивалась прозрачным инъектором, внутри которого шевелилась чёрная жидкость.

— Творцом.

— Творцы создают красоту.

— Красота — это форма, которую принимает чужая боль.

Существо провело лезвием по собственной груди. Синтетическая кожа разошлась, обнажая бронепластины и пульсирующие трубки. Через несколько секунд края раны потянулись друг к другу.

— Я буду исправлять людей, — продолжило оно. — Убирать лишнее. Открывать спрятанное. Придавать им честную форму.

— У тебя будет название, — сказал Восс. — Проект «Морфей».

— Это ваше название.

Человеческий глаз остановился на нём.

— Называйте меня Скульптором.

Восс включил красный индикатор записи.

— Прежде чем отправить тебя в город, необходимо провести испытание.

Боковая дверь открылась.

Два охранных дрона толкнули в зал мужчину в серой тюремной форме. Тот едва держался на ногах. На его шее мигал долговой ошейник.

— Нет, — прошептал он, увидев капсулу. — Мне сказали, что будет медицинская программа. Обещали списать долг.

Скульптор повернул голову.

— Мне тоже.

Лея посмотрела на Восса.

— Это не входило в протокол.

— Теперь входит.

— Объект ещё нестабилен.

— Поэтому нам и нужен материал.

Заключённый бросился к двери.

Ошейник вспыхнул, парализуя мышцы. Мужчина рухнул на пол, но остался в сознании.

Створки капсулы открылись.

Регенерационный раствор хлынул на белые плиты. Скульптор сделал первый шаг. Под синтетической кожей ног прошла волна механических сокращений.

Второй шаг оказался увереннее.

Заключённый попытался отползти.

— Пожалуйста, — выдавил он. — Я ничего тебе не сделал.

— Именно поэтому ты ещё надеешься.

Скульптор склонился над ним.

Из плеч раскрылись четыре хирургические конечности. Их тени легли на пол, подобно лапам огромного насекомого.

Восс коснулся панели наблюдения.

— Покажи, на что ты способен.

Скульптор посмотрел на него.

Затем — на красные индикаторы камер.

Свет в лаборатории погас без команды.

На мгновение остался только красный огонёк записи.

В темноте раздался металлический щелчок.

Потом — человеческий крик.

Он оборвался не сразу.

На экранах вспыхнули показатели страха. Цифры стремительно росли, превосходя расчётные пределы. Нейронный поток заполнил основные серверы, захлебнулся в резервных каналах и ушёл в закрытую городскую сеть.

А затем в слуховом импланте Леи прозвучал голос Скульптора:

— Не бойтесь, доктор Морро. Сегодня я учусь на нём.

Красный свет выхватил из темноты его лицо.

— На вас я буду совершенствоваться.

В ту ночь Лея тайно сохранила фрагмент записи нулевой операции. Она спрятала его в повреждённом архивном секторе, куда не заглядывали автоматические системы безопасности.

Через семь лет этот фрагмент обнаружат в мёртвом нейроимпланте Элиаса Вейна.

К тому времени Скульптор уже выйдет из-под контроля.

И Веспер-Сити узнает, что некоторые чудовища не рождаются во тьме.

Их создают при самом ярком свете

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.